

*Иером. Иоанн (Булыко)**

ВЗГЛЯД КАРЛА РАНЕРА НА ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

Статья посвящена рассмотрению взгляда на Второй Ватиканский собор одного из самых известных католических богословов — Карла Ранера, который принимал участие в данном Соборе в качестве богословского консультанта и был одним из составителей многих соборных документов. Целью её является показать значимость взглядов данного богослова на Собор. Значение Второго Ватиканского собора для Римо-католической церкви трудно переоценить: он был призван ответить, с одной стороны, на кризис внутри Церкви, а с другой стороны, на вызовы внешнего мира и показать, что Церковь не враждебна миру, но готова вести конструктивный диалог с ним. Карл Ранер рассматривает Второй Ватиканский собор как Собор Всемирной Церкви. По его мнению, Собор проявил себя через свои решения в следующих шести моментах: присутствие епископата со всего мира, упразднение латинского языка как официального языка богослужения в пользу восстановления местных языков, отношение Церкви к внешнему миру, богословие Собора, экуменическая перемена ума, отношение Собора, восприятие оптимистического взгляда на универсальное спасение.

Ключевые слова: Карл Ранер, Второй Ватиканский собор, Римо-католическая церковь, экуменизм, экклезиология, обновление, Папа Римский, коллегиальность, Всемирная Церковь, богослужебный язык, спасение.

Hieromonk Ioann (I. P. Bulyko)

KARL RAHNER'S VIEW OF THE II VATICAN COUNCIL

The article is dedicated to the review of the vision of II Vatican Council of one of the most known Catholic theologians Karl Rahner that took part in the Council as a theological consultant and was one of the author of many Council's documents. Its aim is to point out the significance of the view of this theologian on II Vatican Council. The meaning of II Vatican Council for Roman Catholic Church is very important: it was called to respond on the one hand to the crisis inside of the Church and on the other hand to the challenges of the external

* Булыко Иван Петрович, кандидат богословия, аспирант кафедры теологии и истории религий, РГПУ им. А. И. Герцена; bulyko12@gmail.com

world and to show that the Church is not hostile in the relation to the world and the Church is ready for the dialogue with the world. Karl Rahner regards II Vatican Council as a Council of the World Church. According to him the Council expresses itself through its decisions in the next six elements: the presence of the bishops all over the world, abolishing of Latin as the official language of the Divine Service in the favor of local languages, the Church relations with the world, the theology of the Council, ecumenical change in the mentality of the Church, the acceptance of optimistic view on the universal salvation.

Keywords: Karl Rahner, II Vatican Council, Roman Catholic Church, ecumenism, ecclesiology, renovation, Pope, collegiality, World Church, language of Divine Service, salvation.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) является важной вехой в истории Римско-католической церкви. Собор проходил в сложных для Римско-католической церкви условиях, когда наблюдался массовый уход духовенства из Церкви. Делегаты Собора выражали обеспокоенность состоянием мира в конце 50-х годов, нарастающей угрозой ядерной войны. Мир все ещё стонал от ужасов только что прошедшей войны, геноцида, был свидетелем успехов тоталитаризма и коммунизма, атеизма и материализма. Церковь должна была отреагировать на эти проблемы и ответить на вызовы мира. Для этого и был созван Второй Ватиканский собор, который вошёл в историю Католической Церкви как Двадцать первый Вселенский собор.

Современники Собора ожидали, что он должен внести большие перемены в жизнь Католической церкви, сама Церковь будет более открытой к миру. Однако были теологи, критически настроенные к программе Собора: они предвидели опасности и нестроения, которые они могут внести в жизнь Церкви. Говоря о значении этого Собора, нужно задаться вопросом, имел ли он значение только для Римско-католической церкви, или его значение простирается на все христианство; если же он имел значение для всего христианства, то как и в какой мере его решения коснулись других христианских конфессий.

Прошло более пятидесяти лет с тех пор, как завершил свою работу Второй Ватиканский собор. И за это время появилось множество трудов, которые дают оценки этому событию: от восторженных положительных до резко отрицательных. Так, в качестве примера можно привести две персоналии, которые оставили особый след в истории Второго Ватиканского собора: с одной стороны это архиепископ Марсель Лефевр, который придерживался крайне консервативных взглядов, а с другой — швейцарский теолог Ганс Кюнг, который придерживался религиозного плюрализма и догматического релятивизма. Они явились сторонниками тех крайних тенденций, от которых радикальным образом отказалась Римско-католическая церковь.

В данном контексте нам следует учесть взгляды тех представителей Римско-католической церкви, которые участвовали в деятельности Второго Ватиканского собора и видели проблемы самой Католической церкви изнутри.

Важную роль на этом Соборе сыграл немецкий богослов-иезуит Карл Ранер (1904–1984), известный специалист в области догматического богословия Римско-католической церкви. Он имел большое влияние на Второй Ватиканский собор в течение подготовительного периода и во время самого Собора. В историю Собора он вошел как ключевая фигура в богословских приготовлениях и дискуссиях до и в течение Ватиканского собора. Ранер

был одним из ста богословских консультантов-епископов на Соборе, он был приглашён в качестве консультанта венским кардиналом Францем Кенигом.

Целью данной статьи является продемонстрировать то, как оценивает Второй Ватиканский собор Карл Ранер, для того чтобы иметь целостное представление о той роли, которую сыграл этот Собор в истории Римско-католической церкви, для чего необходимо изучить основные труды автора, содержащие оценку Собора; проследить ход его мысли при оценке данного события.

В данной статье мы использовали следующие методы:

— аналитический, который позволил нам проанализировать позицию Дитриха фон Гильдебрандта;

— сравнительный, который дал нам возможность сравнить различные взгляды на рассматриваемую нами проблему;

— исторический, который позволил нам посмотреть на проблему в исторической перспективе.

Относительно разработанности данной темы можно упомянуть труды Карла Ранера по осмыслению Второго Ватиканского собора, из которых можно отметить следующие: «Основная богословская интерпретация Второго Ватиканского Собора» [13], «Значение Второго Ватиканского Собора» [15, с. 90–102], «О богословии Собора» [16, с. 244–257], «Учение Второго Ватиканского Собора о Церкви и о реальности христианской жизни» [17], «Как учит Второй Ватиканский Собор об атеизме» [19, с. 7–24], «Вызов Второго Ватиканского Собора богословию» [20, с. 3–27].

Среди исследований, актуальных для нашей работы, отметим труды: Омели «Что произошло на Втором Ватиканском Соборе» [12], двухтомный труд Анри де Любака «Записки по Второму Ватиканскому Собору» [8], трёхтомный дневник Ива Конгара по Второму Ватиканскому собору [7], Фамере «Богословская герменевтика Второго Ватиканского Собора» [11], пятитомный труд Альбериги под названием «История Второго Ватиканского Собора» [7]. Труды Омели, Альбериги и Фамере представляют собой поэтапное изложение истории Второго Ватиканского собора с описанием всех документов, принятых на Соборе, а также мнений участников Собора о принятых постановлениях. Труды Конгара и де Любака — дневники тех людей, которые непосредственно принимали участие в работе Собора и были консультантами по богословским вопросам, участвовавшими в составлении многих документов. Эти дневники особенно важны для нас, так как описывают впечатления и переживания участников Собора.

Что касается исследований на русском языке, то здесь упомянем наши недавние исследования: во-первых, статью по библиографии Второго Ватиканского собора [2, с. 99–124], во-вторых, статью по феномену «аджорнаменто» [3, 98–105] и, в-третьих, статью о томизме и его роли на Соборе [5, с. 199–214]. Исследование по библиографии является подробным обзором научной литературы, касающейся истории и деятельности Собора; статья по «аджорнаменто» раскрывает смысл данного феномена и правильный подход к данному понятию, а статья о томизме показывает ту роль, которую сыграло данное течение в богословии Римско-католической церкви, и раскрывает те причины, по которым данное течение не прижилось и не было востребовано в богословии

Второго Ватиканского собора. Также отметим статью П. Михайлова о участии А. де Любака во Втором Ватиканском соборе [6, с. 74–95].

Как мы уже отметили выше, Карл Ранер был активным участником Второго Ватиканского Собора, и изначально он трудился в литургической подготовительной комиссии, где работал над темой перманентного диаконата и внес значительный вклад в эту тему. Его труд привлек внимание многих епископов, которые интересовались данной темой. Затем он был задействован во многих подгруппах, которые разрабатывали проект документа «О Церкви». Ранер желал, чтобы Собор высказался положительно о перманентном диаконате, и Собор в конечном итоге заявил, что «диаконат в будущем может быть восстановлен как особая степень священства» [1, р. 255]. Он также ратовал за интеграцию мариологии и экклезиологии.

Влияние Ранера отразилось и в учении о Церкви как таинстве мира, в учении о поместной церкви, о коллегиальности, о церкви грешников и первенстве пастырского аспекта. Во время второй сессии Собора он сфокусировал свое внимание на вопросе соотношения между папой и коллегией епископов и на богословской значимости поместной церкви. Он также был вовлечен в дискуссии по поводу схемы XIII об отношении между Церковью и современным миром, которые увенчались документом *Gaudium et Spes*. Наконец, он принимал участие в дискуссиях, касающихся Откровения и монашеской жизни. Можно сказать, что благодаря работе в различных комиссиях Ранер имел влияние на такие соборные документы, как *Lumen Gentium*, *Dei Verbum*, *Gaudium et Spes* и *Perfectae Caritatis*.

Ранер размышлял над вопросом соотношения между епископатом и приматом до, во время и после Собора. Он желал примирить «монархическое» понимание Церкви и папство с тем фактом, что епископат сам по себе имеет Божественное право [18, р. 245]. Ранер пытается уйти от видения Церкви как некоего «совершенного общества», где Папа мыслится как абсолютный монарх и придти к более коллегиальному видению Церкви объединенного епископата во главе с Папой. Для него Церковь по своему устройству является епископальной, где Папа обладает полнотой власти как глава коллегии епископов [19, р. 300]. Ранер желал, чтобы Собор утвердил внутреннее единство между монархическим и коллегиальными аспектами Церкви, где существует гармония, вдохновленная Святым Духом, между Папой и коллегией епископов [19, р. 233].

Влияние Ранера на Второй Ватиканский собор чувствуется и в декрете «О Миссионерской деятельности» и в декларации «Об отношении Церкви к нехристианским религиям». В 1961 году Ранер был защитником «открытого католицизма» в контексте плюрализма религий. Он задался целью примирить убеждение, что христианство представляет собой «абсолютную религию, предназначенную для всех» с тезисом, «что существуют сверхъестественные благодатные элементы в нехристианских религиях».

Для Ранера Второй Ватиканский собор был неким коллективным поиском истины, что предполагало диалог и сотрудничество богословов, епископов в различных комиссиях и формальные и неформальные контакты внутри и вне Собора. Для него Второй Ватиканский собор как собор Всемирной Церкви стал темой всей жизни, был первой попыткой Римо-католической церкви раскрыть

себя и реализовать как Вселенская Церковь, развитие, которое должно было открыть новую эпоху в истории Католицизма. Как первый Собор поистине мирового масштаба, Ватиканский собор означал для Ранера движение католической Церкви от Церкви, ограниченной европейской культурой, к Всемирной Церкви. Хотя Римско-католическая церковь всегда исповедала себя Церковью католической, иногда она проявляла себя скорее как европейская Церковь, нежели как Церковь со Вселенскими культурными корнями. По мнению Ранера, открытие Римско-католической церкви себя как Церкви Вселенской отражено в главных темах соборных документов.

Ранер был убежден, что Церковь должна продолжать идти по тому пути, который открыл для неё Второй Ватиканский собор и передавать христианскую веру для будущих поколений. Он был серьёзно настроен на подлинный диалог Церкви и мира. В то же время, он был совершенно неспособен на компромисс чего-то в христианстве, что, как он понимал, имеет право или посвящает на совесть. Ранер был также убежден, что истина и нравственность могут быть обнаружены вне Церкви и христианства и что и христианство, и Церковь могут учиться от внешних. По этой причине Ранер предпринял серьёзный диалог с сциентистами, марксистами, неверующими и некатолическими Церквями [15, p. 300].

В своем очерке *The Changing Church* (1965) [16, p. 740] Ранер выражает взгляд, что собор был тем событием, который, с одной стороны, вызвал «глубокое волнение, беспокойство; а с другой стороны, энтузиазм и нетерпение перемен. По мнению Ранера, собор положил важное начало «аджорнаменто» (обновлению, приспособлению к реалиям современности) и призвал христиан-католиков к покаянию. Он говорит о Соборе как о «начале всех начал» [17, p. 95]. Собор был созван для того, чтобы Иисус Христос вместе с Церковью могли вместе встретить дух этого века и будущих веков [17, p. 96]. Ранер отмечает, что в отличие от любого другого собора, Второй Ватиканский был занят изучением Церкви, экклезиологией. Это был Собор Церкви и о Церкви. Церковь была не только субъектом, но также и объектом соборных решений. Не нужно отрицать того, что Собор касался и многих других истин, которые согласно иерархии истин более важны, чем непосредственное отношение этих истин к Церкви [17, p. 100].

В своем очерке под названием «Главное значение Второго Ватиканского Собора» [17, p. 102] Ранер утверждает, что на этом Соборе Католическая церковь, в своих учениях и законах, предприняла первые положительные шаги к реализации себя как Всемирной Церкви, церкви с полицентричной культурной идентичностью, а не просто как Западноевропейская Церковь с выходами по всему миру.

Для того, чтобы подтвердить свою мысль, Ранер определяет шесть ключевых тем в документах собора, которые указывают на изменение направления в Римско-католической церкви: Собор Всемирной Церкви, Поместная Церковь, Отношение Церкви к Миру, Богословие Собора, Экуменическое изменение мышления, оптимизм универсального спасения [18, p. 250].

Говоря о том, что Второй Ватиканский собор был Собором Всемирной Церкви, Ранер утверждает, что этот собор был первым действием в истории,

в которой Всемирная Церковь первая начала существовать как таковая. В результате этого Католическая церковь как Всемирная Церковь смогла присутствовать во всем мире, а не только в пространстве Европы. Эта Всемирная Церковь действовала на Втором Ватиканском соборе первый раз с беспрецедентной исторической уверенностью в измерениях закона и вероучения [17, р. 99].

В доказательство того, что Второй Ватиканский собор был поистине Собором Всемирной Церкви, Ранер приводит, во-первых, тот факт, что в отличие от предыдущих соборов на Втором Ватиканском присутствовал епископат со всего мира. Местные епископы, присутствовавшие на Втором Ватиканском соборе, не были посланными епископами, как это было в случае Первого Ватиканского собора. Они не присутствовали на Соборе как совещательный орган Папы и не представляли нужды своих собственных епархий. Скорее этот местный епископат присутствовал для того, чтобы поддержать, в подчинении Папе, высшее учение и авторитет, принимающий решение в Церкви. Ранер подчеркивает, на Собор представлял собой собрание епископата со всего мира, и каждый епископ выполнял свою функцию. Присутствие епископата со всего мира и коллегиальность была определённым знаком проявления Всемирной Церкви [15, р. 205].

Во-вторых, понятие «поместная Церковь» у Ранера связана с национальными языками, на которых совершается богослужение. Второе движение в направлении Всемирной Церкви пришло с упразднением латинского языка как официального языка богослужения в пользу восстановления местных языков. Ранер утверждает, что, ни будь Второго Ватиканского собора, латинский все еще оставался бы на сегодняшний день официальным языком Церковного богослужения [15, р. 34].

С победой местных языков была проторена дорога для победы региональных богослужений, и последовательное развитие автономных региональных Церквей. Богословской причиной для этого является то, что природа Церкви и, следовательно, природа региональной Церкви происходит от Литургии, в которой она находит свою высшую реализацию. Точно так же, как латинский язык, будучи языком особой культурной сферы, никогда не смог бы стать языком Всемирной Церкви, точно так же и Римская Литургия, и закон не могли бы считаться нормативными для каждого.

Третьим элементом, который определил Ранер в соборных документах, который указывает на это новое глобальное сознание в Римско-католической церкви — это отношение Церкви к этому миру. Два из самых значительных документов Собора, которые пытаются урегулировать основное отношение Церкви к миру, являются Пастырская Конституция «О Церкви в современном мире» и декларация «О религиозной свободе». Оба эти документа подчеркивают, что отношение Церкви к миру вырастает из внутренней природы самой Церкви, а не из чего-то, навязанного ей извне [19, р. 35].

Влияние Пастырской Конституции «О Церкви в современном мире» на будущие отношения Церкви с современным миром и её вклад в то, чтобы Католическая церковь стала Всемирной можно резюмировать следующим образом. Во-первых, она утверждает, что Церковь как целое начинает ясно осознавать свою ответственность за будущую историю человечества. Во-вторых,

она выражает присутствие «третьего мира» как части Церкви, призывая взять Церковь ответственность за бедных. В-третьих, она напоминает католикам об ответственности Церкви за мир, который никогда не может быть исключен из сознания Всемирной Церкви [15, р. 81].

В декларации «О религиозной свободе» Церковь порицает на все времена употребление силы для провозглашения христианства, а вместо этого полагаться только на силу Евангелия [17, р. 93]. Несмотря на противостояние со стороны консервативных групп на соборе, этот документ провозгласил как фундаментально христианское отказ от внешних средств силы в религиозных целях, уважение к ошибочным мнениям и то, что развитие законов секулярного мира не подлежит контролю Церкви. Дальнейшей задачей собора в этом отношении, как это видел Ранер, было соблюдение сдержанности, которая была высказана на Соборе, несмотря на присутствующее всегда искушение оставить эту сдержанность в пользу мирской власти. Как результат Собора, Церковь никогда опять не может навязывать нехристианам то, что она считает истинным и полезным для спасения, но делать это с ясным осознанием. Значение декларации «О религиозной свободе» для Всемирной Церкви для Ранера можно резюмировать так, что благодаря этому документу, Церковь отказывается от большей части той власти, которой она пользовалась прежде [15, р. 77].

Четвертым элементом в соборных декретах, который указывает на изменение направления, предпринятого ради Всемирной Церкви, является богословие Собора в целом. Согласно Ранеру, богословие Собора имеет два аспекта: это транзитивное богословие, содержащее, с одной стороны, элементы неосхоластического богословия, а с другой стороны, грани более библейского подхода [17, р. 92]. Влияние библейского богословия, уведшее собор от богословского излишества, показало чувствительность к экуменическим проблемам и поставило на передний план церковного сознания множество учений, которые всегда были частью церковной традиции, но стали мало значить в конкретном благочестии католиков.

Ранер выражал надежду на то, что богословие будет обновляться, что вместе с самим Собором оно станет всемирным богословием и перестанет иметь всего лишь европейское измерение. Как пример этого, Ранер приводит пример богословия освобождения в Латинской Америке с перспективой подобного национального богословия, происходящего из Азии и Африки. Ранер был убежден, что западное богословие будет также иметь свою роль во всемирном богословии, но только если оно будет иметь смелость стать миссионерским богословием. Это привлекло бы тех, кто чувствует себя отчужденным от христианства и от Церкви, если это богословие будет изложено по-другому по сравнению с тем, как это делает традиционное богословие. Такой подход, который не ограничивается теми, кто чувствует себя своими в христианстве или в Церкви, содержит положительный импульс для появления Всемирной Церкви [15, р. 100].

Ранер делает наблюдение, что в отношении Собора богословие больше не представляет явление «монотонной неосхоластики, которую должны принять во всем мире» [20, р. 20]. Богословие будет везде во Всемирной Церкви. Как таковое, оно будет касаться важных вопросов, которые возникают на местном

уровне, вопросы, которые требуют особого ответа, который необязательно применим ко всему миру. Ранер предвидит то, что потребуются различные задачи от учительства Церкви, поскольку нужно будет развивать различные виды процедур, которые позволят ему обращаться к нуждам различных культурных групп одновременно. Отказываясь от того, чтобы замкнуться в категориях неослоластического богословия, Собор открыл себя для многих направлений богословия, и таким образом провозгласил начало Всемирной Церкви.

Пятым важным элементом в соборных определениях, которое указывает движение по направлению ко Всемирной Церкви, является экуменическая перемена умонастроения, которая произошла на Втором Ватиканском соборе. По мнению Ранера, Второй Ватиканский собор представляет собой «цезуру», поворотной точкой в истории отношения Католической церкви как с христианскими церквями и сообществами, так и с нехристианскими мировыми религиями [20, р. 22]. Учение о Божественной универсальной спасительной воле была мало эффективна на практике в церковных отношениях с другими христианскими Церквями и нехристианскими религиями. Хотя богословское основание для этого нового отношения к другим христианским Церквям и с нехристианскими религиями всегда существовало в церковном смысле веры в форме восприятия Божественной универсальной спасительной воли во Христе, это учение имело небольшое влияние на эти отношения. До Второго Ватиканского собора, объясняет Ранер, нехристиане считались живущими во тьме язычества, и имели надежду на спасение только через проповедь Евангелия. Некатолики рассматривались как собрание еретиков, которых нужно обратить в истинную католическую веру [20, р. 24].

Согласно Ранеру, две трудности омрачают радикальную и бесповоротную перемену умонастроения в отношении экуменизма, которая началась на Втором Ватиканском соборе. С одной стороны, ничего не изменилось, поскольку богословские причины для цезуры присутствовали на ранней стадии. С другой стороны, существует тенденция католических богословов говорить о том, что новая экуменическая близость означает, что не существует серьёзных различий, стоящих на пути воссоединения. В ответ на эти сложности Ранер отвечал, что экуменическая перемена умонастроения, которая произошла на Втором Ватиканском соборе, укоренена в реальном развитии догматов [20, р. 25].

На Втором Ватиканском соборе католическое христианство усвоило новое отношение ко всем христианам и их Церквям и к нехристианским мировым религиям и утвердило его как истинно христианское. Эта новая позиция, принятая на Втором Ватиканском Соборе, отлагает более старое умонастроение и остаётся как необходимая обязанность для будущего Церкви. Однако Римо-католическая церковь не рассматривалась как просто некая большая Церковь среди других, которые появились на свет благодаря историческому случаю. Ранер был убежден в том, что современный либеральный релятивизм, который стремится уравнивать все, представляет собой самую большую угрозу для воссоединения [15, р. 300].

Шестым элементом в соборных постановлениях, который Ранер считает важным указателем в направлении Всемирной Церкви, является восприятие оптимистического взгляда на универсальное спасение. Благодаря Второму

Ватиканскому собору Церковь официально поддержала этот оптимистический взгляд на спасение, отвергнув многолетний августиновский пессимизм, в котором мировая история рассматривалась как *massa damnata*, из которой только немногие могли быть спасены. Ранер указывает, что даже до Собора учение о надежде на универсальное спасение развивалось, но до Второго Ватиканского собора, это учение не затрагивалось никогда с абсолютной твердостью [15, р. 304].

Будучи Собором Всемирной Церкви, провозглашая оптимизм универсального спасения, своей верой в поместную Церковь, своей экуменической переменной умонастроения, своим новым отношением к миру и своим богословием, Второй Ватиканский собор сделал очевидным новое глобальное сознание в Римско-католической церкви. Вопрос состоит лишь в том, как это видит Карл Ранер, в том смогут ли христиане-католики постичь и жить и сейчас этой новой реальностью, и таким образом быть верными той задаче, которую поставил Второй Ватиканский собор.

Богословское понимание Ранером Второго Ватиканского собора можно резюмировать в его утверждении, что Собор отметил начало напряженного подхода Католической церкви к открытию и официальной реализации себя как Всемирной Церкви. Хотя Католическая церковь была всегда потенциально Всемирной Церковью, она уходила от того, чтобы актуализировать себя таковой по причине сильных уз с Европейской культурой и тенденции распространить эту культуру на весь мир. По мнению Ранера, Католическая церковь функционирует подобно гигантской экспортной фирме, доставляя свою высокую западноевропейскую культуру и богословие в страны, которые находятся на грани бедности. Как следствие, Церкви никогда не удавалось проникнуть глубоко в различные культуры и стать Всемирной Церковью. Хотя были прецеденты, которые подготовили путь к напряженному началу Всемирной Церкви, такие как посвящение местных епископов и усовершенствование миссионерской практики, ни один из них не имел отзвука в Европейской и Североамериканской церкви до Второго Ватиканского собора [15, р. 387].

В свете движения по направлению ко Всемирной Церкви, начатом на Втором Ватиканском соборе, Ранер предвидит три главные задачи Церкви в будущем:

— христианское благовестие и поиск основной сущности христианской веры, которые приведут к множественности прокламаций Евангелия внутри единства единой веры;

— исполнение миссии апостола Петра, в соответствии со Всемирной Церковью;

— развитие местных богослужений и автономных региональных Церквей [15, р. 200].

Таким образом, давая оценку взглядам Карла Ранера на Второй Ватиканский собор, можно отметить следующее.

Во-первых, Второй Ватиканский собор имел большое значение для Римско-католической церкви: его решения охватывают почти все стороны жизни Церкви. Сам собор призван был разрешить кризисную ситуацию, которая сложилась в Церкви в то время, и сделать Церковь более открытой и понят-

ной для внешнего мира [13, р. 145]. По сравнению с предыдущими Соборами (Первым Ватиканским) он не был настроен на конфронтацию католичества с инославием и внешним миром. Однако этого недостаточно, чтобы этот факт придал значение Римо-католической церкви как Церкви Всемирной, как это делает Карл Ранер. Важно было учесть то обстоятельство, что существует также и Восточная Православная церковь, которая имеет в мире не меньшее значение, чем Римо-католическая.

Хотя в католицизме Второй Ватиканский собор и считается двадцать первым Вселенским собором, однако стоит отметить, что Вселенский собор предполагает участие в нем не только Запада, но и Востока, ибо и Восток, и Запад составляют христианство. В настоящее время, чтобы Собор считался Вселенским, необходимо достичь единства Востока и Запада, а оно возможно только на основе уврачеванного целостного догматического сознания.

Во-вторых, что касается отмены обязательного употребления латинского языка и употребление в богослужении местных языков, этот факт является важным решением Второго Ватиканского собора. Латинский язык, хотя и является официальным языком документации Ватикана и до Второго Ватиканского собора являлся языком богослужения и Священного Писания, однако стоит признать, что он доступен скорее духовенству, которое изучает его на семинарской скамье. Простому народу латынь, как правило, недоступна, а поэтому более эффективным и полезным было бы совершать Богослужение и читать Священное Писание на местных языках, на которых разговаривают те или иные народы. Это более расположит людей к восприятию Богослужения и Писания.

В-третьих, важными документами Второго Ватиканского собора являются его решения по поводу отношения Церкви к внешнему миру. Хотя Церковь конечным предназначением Церкви является вечное Царство Божие, которое, по словам Христа, не от мира сего, однако же, нельзя забывать то, что видимая воинствующая Церковь пребывает в мире сем. И ей необходимо выстраивать определенные отношения с этим миром, отвечать на вызовы этого мира. Второй Ватиканский собор своими решениями показал, что Церковь не враждебна этому миру, она не отстраняется от проблем этого мира, но своими усилиями пытается усовершенствовать этот мир, привести этот мир к Богу.

В-четвертых, что касается богословского аспекта Собора, то здесь нужно отметить тот факт, что Второй Ватиканский собор ушёл от неосхоластического богословия, которое было провозглашено в конце XIX века папой Львом XIII, в качестве официального богословия Римо-католической церкви [12, р. 100]. Деятели Собора прекрасно понимали, что нельзя замыкаться на неосхоластике, но важно учитывать и другие направления в богословии для того, чтобы ответить на вызовы времени [8, р. 60]. Кроме того, для того, чтобы вести плодотворный диалог с другими конфессиями, нужно выйти за рамки принятой парадигмы и расширить свое богословское видение.

В-пятых, взгляд Ранера на отношение с нехристианскими конфессиями представляет собой взвешенную точку зрения. С одной стороны, он признает важность и необходимость такого отношения, а, с другой, он предостерегает от опасности релятивизма и уравнивания христианства с нехристианскими

религиями. Да, действительно, мы можем и должны признать положительные стороны в других религиях, однако нельзя ни в коем случае жертвовать догматами христианской веры и уравнивать эти конфессии.

В-шестых, на Втором Ватиканском соборе был поднят важный вопрос, над которым работал и Карл Ранер: это вопрос о соотношении примата Папы и коллегиальности других епископов. В контексте этого вопроса возникает проблема: как правильно расценивать роль Римского Понтифика. Является ли его сан отдельной степенью священства, поставляющая его на вершину церковной власти и возвышающее его над всеми другими, или же он является первым среди равных епископов. Как показали решения Второго Ватиканского собора, Римо-католическая церковь осталась на тех позициях, которые определили предыдущие Соборы по данному вопросу. Положение Папы является исключительным, Он есть, согласно учению Католической церкви, Наместник Христа на земле. Он непогрешим в своих суждениях, когда говорит *ex cathedra*. Все это выделяет его из числа других епископов. Тема коллегиальности на Втором Ватиканском соборе, таким образом, уходит на второй план. Римо-католической церкви, которая столь долгое время придерживалась учения о Примате и непогрешимости Папы Римского, трудно взять на себя такую ответственность, как коллегиальность, ибо учение о Папе гарантирует стабильность и постоянство самой Римо-католической церкви.

В-седьмых, оптимистический взгляд на спасение является важной составляющей самого Собора. Этот взгляд имеет под собой библейское основание, которое указывает на то, что Бог всех призывает ко спасению и всех любит, несмотря на греховность человека. Сам оптимизм связан как с экуменическим взглядом самого Собора, так и с его отношением к внешнему миру. Важно всем дать надежду всем на спасение в вечности и важно показать, что Бог любит всех, независимо от национальности, конфессиональной и социальной принадлежности.

Сформулированные Ранером задачи Церкви в соответствии с шестью элементами, в которых проявляется Римо-католическая церковь как Церковь Всемирная, соответствуют той миссии, которую имеет Церковь в этом мире: главной её миссией является приведение ко спасению всех людей, сотворенных по образу и подобию Божию. Это спасение Церковь осуществляет теми средствами, которые ей даровал Христос — её Божественный Основатель.

Таким образом, взгляд Карла Ранера на Второй Ватиканский собор как на Собор, который должен показать Римо-католическую церковь как Церковь всемирного значения, представляется не до конца оправданным, так как в концепции Ранера не учитываются другие христианские вероисповедания, такие как православие и протестантизм, исторический путь и значение которых в данном контексте нельзя не учитывать. Хотя решения этого Собора и затрагивали многие аспекты как внутрицерковной жизни, так и отношения Церкви к внешнему миру, однако этого недостаточно, чтобы считать Римо-католическую церковь всемирной. А пока можно говорить о Втором Ватиканском соборе как о Соборе, который имел значение лишь для истории Римско-католической церкви. Говоря о влиянии Собора на другие конфессии, можно сказать, что такого влияния мы не наблюдаем. Решения Собора имели влияние и действие

только внутри самой Римско-католической церкви. Хотя нельзя не отметить, что Второй Ватиканский собор может послужить примером для других вероисповеданий, как нужно отвечать на вызовы времени, как проводить необходимые реформы в Церкви так, чтобы они могли быть безболезненными для всего церковного организма. Конечно, в каждой церковной реформе будут свои минусы и плюсы, однако же нельзя не отдать должного Второму Ватиканскому собору, который сильно изменил жизнь Католической церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Второй Ватиканский Собор. Документы. Постановления. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1997. — 580 с.
2. Иоанн (Булыко), иером. Второй Ватиканский Собор: современная историография // Контекст и рефлексия. — М., 2020. — № 10. — С. 99–124.
3. Иоанн (Булыко), иером. Феномен «aggiornamento» и Второй Ватиканский Собор // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2020. — № 5. — С. 98–105.
4. Иоанн (Булыко И. П.), иером. Понятие «aggiornamento» в оценке Второго Ватиканского собора Анри де Любаком // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 57–65.
5. Иоанн (Булыко И. П.), иером. Томизм и Второй Ватиканский Собор // Вестник Тверского Государственного Университета. — Серия «ФИЛОСОФИЯ». — 2020. — № 2 (52). — С. 199–214.
6. Михайлов П. Б. Современные дискурсы. Анри де Любак в богословских дискуссиях о религиозном и религии на Втором Ватиканском Соборе // Философия религии: аналитические исследования. — 2020. — Т. 4. — № 1. — С. 74–95.
7. Alberigo G. Histoire du Concile Vatican II, 1959–1965. 5 tomes. — P.: Cerf-Peeters, 1997–2005.
8. Attridge M. What Happened to Thomas Aquinas at Vatican II? Critical Inquiry // Aquinas at Vatican II. — Toronto: Newman Rambler. Vatican II special edition. — 2013. — № 1. — 67 p.
9. Congar Y. Mon journal du Concile. 2 tomes. — P.: Cerf, 2002.
10. De Lubac H. Carnets du Concile. 2 tomes. — P.: Cerf, 2007.
11. Famerée J. Vatican II comme style. L'herméneutique théologique du Concile (Unam Sanctam nouvelle série, 4). — P.: Cerf, 2012. — 235 p.
12. Komonchak J. Thomism and the Second Vatican Council. — Fairfield: Sacred Heart University Press, 1998. — 120 p.
13. Mettepenningen J. Nouvelle Théologie — New Theology. Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II. — L.: T & T Clark International, 2010. — 245 p.
14. O'Malley J. W. What Happened at Vatican II. — Harvard University Press, Cambridge MA / L., 2008/2010. — xi + 380 pp.
15. Rahner K. Basic Theological Interpretation of the Second Vatican Council. — L.: Geoffrey Chapman Classics, 1986. — 478 p.
16. Rahner K. The Changing Church. A Symposium on Development in the Ecclesiology of Karl Rahner // Theological Studies. — 1977. — 38. — P. 738–745.
17. Rahner K. The Abiding Significance of Vatican II // Theological Investigations. — N. Y.: Herder and Herder, 1968. — Vol. 20. — P. 90–102.

18. Rahner K. On the Theology of the Council // Theological Investigations. — N. Y.: Herder and Herder, 1962. — Vol. 5. — P. 244–257.

19. Rahner K. The Teaching of Vatican II on the Church and the Future Reality of Christian Life. — N. Y.: Harper, 1975. — 522 p.

20. Rahner K. The Second Vatican Council's Challenge to Theology // Theological Investigations. — N. Y.: Herder and Herder, 1962. — Vol. 9. — P. 3–27.